

Религиозно-политическое состояние прибалтийского дворянства в оценке российских властей: эпизоды из истории остзейского вопроса (40—80-е гг. XVIII в.)

А. С. Ряжев

Аннотация. Статья посвящена вероисповедной политике российской монархии в раннее Новое время. В ней на основании неизвестных архивных материалов из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА) изучены меры религиозного управления, предпринятые российской верховной властью в Остзейском крае в период русско-шведских войн 1741—1743 и 1788—1790 гг. Впервые в историографии взаимоотношения прибалтийско-немецкого дворянства с российской короной рассмотрены в контексте двух важных эпизодов региональной общественной-политической истории — следствия по делу церкви «моравских братьев» при Елизавете Петровне и реформы протестантского духовного управления при Екатерине II. Установлено, в чем для монархии состояла взаимосвязь между событиями, разделенными более чем сорокалетним интервалом, выявлены причины внимания верховного правления к духовной сфере в военное время. В итоге автор приходит к выводам о том, что религия и религиозные институты были для самодержавия инструментами развития и поддержания верноподданнических идей в прибалтийско-немецкой среде, действия же российской монархии по поддержанию религиозного единомыслия остзейского дворянства способствовали складыванию сословного самосознания последнего.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, вероисповедная политика, религиозное управление, прибалтийско-немецкое дворянство, протестанты, гернгутеры.

Abstract. The article concentrates on the religious policy of the Russian Empire in the Early Modern Times. A study was carried out concerning the measures taken by the Russian supreme authority in the field of religion in the Baltic provinces of the Russian Empire during the Russian-Sweden wars (1741—1743, 1788—1790). The base of research is unknown sources (unpublished documents, correspondence) from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and the Russian State Archive of Ancient Acts. For the first time in historiography, the mutual relations of Baltic noble estate and the Russian crown were addressed in common context of two notable episodes from the regional social and political history — the persecution of the Moravian church under the Empress Elizaveta Petrovna and the reform of protestant spiritual governance during the reign of Catherine II. It has been determined what was the relationship for the monarchy between events separated from each other by more than forty years, the reasons for the monarchy's attention to the spiritual sphere in wartime were revealed. As a result, the author states that religion and religious institutions were means for Russian autocracy to keep and develop principles and ideas of political loyalty

in Baltic-German noble community, and the actions of the Russian monarchy to maintain religious unanimity of the Ostseischer nobility contributed to the formation of the estate consciousness of the latter.

Key words: Russian Empire, Early Modern Times, religious policy, spiritual governance, Baltic-German (Ostseischer) nobility, protestant confessions, Moravian church ("Moravian brethren").

«Русские дворяне служат государству, немецкие — нам!»¹ Именно так Николай I обозначил некогда суть взаимоотношений высшего сословия Остзейского края² и российского трона, и с тех пор монаршая максима считалась применимой к петербургской эпохе отечественного прошлого целиком. Однако в истории Российской империи раннего Нового времени имели место периоды, когда вассальная преданность прибалтийского немецкого дворянства ставилась под сомнение обоими участниками подобных взаимоотношений: и собственно остзейцами, и верховной властью.

Эпизоды XVIII в., о которых идет речь, оказались краткими, тем не менее, внутренняя нестабильность прибалтийской аристократии, реальная или предполагавшаяся, послужила вполне определенным императивом действий свыше. Первый случай был обусловлен борьбой сторонников и противников учения церкви «моравских братьев» — гернгутеров в остзейском обществе, второй — памятью о минувшей борьбе и, соответственно, проявившимся на тот момент стремлением монархии упрочить лояльность остзейско-немецкой аристократии. В этой связи оба казуса требуют специального исследования.

Ситуацию в среде дворянства прослеживала историография остзейского вопроса, с различных позиций обращавшаяся к материалам последней трети XVIII—XIX века³. Прибалтийским гернгутерам также уделяли внимание историки религии и антропологи, полемизируя о том, какая природа — дворянская прибалтийско-немецкая или простонародная латышско-эстонская — превалировала в изучаемом движении⁴. События же, затрагиваемые в настоящей работе, не получили должной трактовки в литературе или не освещались вовсе.

Источники, характеризующие обстановку избранного хронологического отрезка в остзейско-немецком сообществе, выявлены среди документов Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ). Они содержатся в составе единицы хранения, озаглавленной «О секте, именуемой Эрн-гутер»⁵. В ней, прежде всего, сосредоточена переписка российских учреждений — Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, Коллегии иностранных дел и должностных лиц Лифляндской губернии — о гернгутерах, прибывших в Россию для евангельской миссии среди буддистов. Здесь также находится переписка, которую вел с российскими инстанциями лидер движения — рейхсграф Николас Людвиг фон Цинцендорф (Nikolas Ludwиг von Zinzendorf), и по-

Рязев Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН». Элиста. E-mail: riazhev@yandex.ru.

Ryazhev Andrey S. — PhD (History), leading research associate, Federal State Budgetary Institution of Science "Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (KalmSC RAS). Elista. E-mail: riazhev@yandex.ru.

веления о его высылке из страны. Кроме того, налицо материалы расследования о гернгутерах за вторую половину апреля 1743 — январь 1744 г., в том числе сведения о состоянии движения в российской Прибалтике этого и предшествовавших периодов, исходившие по разным поводам от видных адептов данного вероучения. Наконец, в небольшом объеме имеется частная переписка остзейских дворян аналогичного свойства.

Лифляндское расследование — сюжет, отмеченный определенной археографической разработкой. Именной указ от 16 апреля 1743 г. лифляндскому вице-губернатору Д.Ф. Еропкину, присутствующий среди используемых архивных источников, опубликовал некогда П.И. Бартнев ⁶. В наши дни К.А. Писаренко издал письма кабинет-секретаря Елизаветы Петровны барона И.А. Черкасова вице-канцлеру графу А.П. Бестужеву-Рюмину, посвященные заключению мирного договора со Швецией в г. Або (Åbo, ныне Турку/ Turku, Финляндия) и затрагивавшие вопрос о гернгутерах во владениях российской короны ⁷. Привлекаемые же следственные материалы в полном объеме ранее не использовались. Между тем по информативности они превышают все, что вводилось ранее в научный оборот по теме вероисповедной политики 1740-х гг. и позже. В частности, в них шире представлена переписка И.А. Черкасова о гернгутерах.

В качестве источника по изучаемой теме выступают и документы Сената об обсуждении в 1789 г. проектов протестантских консисторий и университета, выработывавшихся по указанию императрицы Екатерины II. Эти бумаги, обнаруженные в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), весьма содержательны. Они раскрывают действие религиозного фактора в политике и дипломатии на северо-западной окраине страны в 1780-е гг., давая очень много для понимания надежд и опасений российской монархии, связанных тогда с лютеранами и уходивших корнями в перипетии сорокалетней давности ⁸.

Документы российских учреждений несут даты юлианского календаря, сохраненные в дальнейшем изложении. В отдельных случаях оговаривается датировка источников европейского происхождения из переписки Иностранной коллегии по григорианскому календарю (по новому стилю).

Общественную ситуацию, возникшую по окончании Северной войны в кругах прибалтийской знати, определяли складывание сословно-правовых статусных рамок последней и ее интеграция в российскую систему. До середины 1740-х гг. остзейское рыцарство (дворянство) оставалось в основном мелкопоместным, как следствие, не наблюдалось сильной имущественной дифференциации. Под российской властью дворянство приобретало национальную однородность: исчезла шведская секция, язык и культура высшего сословия приобрели практически повсеместно немецкий характер, чему способствовали связи (родственные, религиозные, образовательные) с германскими землями. Существовавшие ранее привилегии остзейских дворянских корпораций соблюдались и расширялись, в частности, в 1725 г. дворянскому самоуправлению были переданы епископские полномочия ⁹.

С 1729 г. началось формирование матрикулов (metrikeln) — списков привилегированного рыцарства, закрывавших доступ в него извне. В итоге возникла малочисленная дворянская олигархия: в матрикулы,

составленные окончательно около 1746—1747 гг., вошло всего 307 родов — лифляндских, эстляндских, эзельских¹⁰. На первую половину — середину 40-х гг. XVIII в. пришелся, таким образом, финальный этап имматрикулизации, сопровождавшийся острой конкуренцией: ни один род, ни одна фамилия не желали оказаться вне круга избранных. Соперничество олигархических групп осложнилось и значительным влиянием религиозного фактора.

В начале XVIII в. в остзейские земли, попавшие затем в российское владение, проник пиетизм — лютеранский вариант спиритуализированного христианства. Трансляторами пиетистских идей в местных верхах выступали пасторы, получавшие образование в университетах Германии, они же привозили в край и соответствующую литературу. Пиетисты подготовили почву для появления гернгутеров. Те приступили к работе в Лифляндии спустя четверть века и смогли завоевать симпатии известной части остзейского рыцарства и лютеранского духовенства. К концу 1730-х гг. активность «моравских братьев» в остзейских землях российского владения была одной из самых высоких в Европе: в 1739 г. граф Цинцендорф, перечисляя в предисловии к изданию своих трудов страны и части света, в которых процветала гернгутерская миссия, называл среди них Лифляндию и Эстляндию¹¹.

Царствование Анны Ивановны оказалось для здешнего гернгутерства и дворянских групп — его сторонников — поистине золотым веком. Свои дальнейшие перспективы они связывали с Анной Леопольдовной и малолетним императором Иваном Антоновичем, но воцарение Елизаветы Петровны спутало их карты. Вместе с тем приход новой монархини давал шанс ортодоксальным лютеранам — адептам «аугсбургского исповедания», врагам гернгутеров, — и они не замедлили им воспользоваться.

Принципиальной мерой антигернгутерской «партии» стало создание следственной комиссии, утвержденной затем лифляндским губернатором П.П. Ласси: это был шаг к сплочению и созданию алгоритма борьбы. Позже И.А. Черкасов недоумевал: «И от коль лифлянцы имеют указ, и почему комиссию учредили, неведомо»¹². Но «лифлянцы» находились в своем праве: их дворянские корпорации на основании «аккордных пунктов» — условий капитуляции Риги, Ревеля, Пернова (Пернау/ Pernau, ныне Пярну/ Pärnu, Эстония) в период Северной войны — обладали сословной и вероисповедной автономией, признанной затем Жалованными грамотами и указами Петра Великого¹³. Материю, впрочем, понимал и сам барон: «К сему о гернгутерах делу надобно приискать те пункты, которые при завладении Лифляндии и Эстляндии от Его Императорского Величества блаженной и вечнодостоянной памяти они аккордованы, где, помнитца, и о вере есть», — обращался он в октябре 1743 г. к А.П. Бестужеву-Рюмину¹⁴.

Силы группировок, державшихся различной религиозной ориентации и соперничавших за главенство над сословием в целом, были равны. Ни одна не могла добиться перевеса, и неудивительно: обе действовали в рамках замкнутого и компактного сообщества и потому легко парировали действия противной стороны. Отсюда обе искали помощи у российских властей, и противники «моравских братьев» оказались здесь более влиятельными и расторопными. Среди корреспондентов дворянской

частной переписки отмечен И. И. Сиверс, брат которого, К. Сиверс, в свое время — кофишенк цесаревны Елизаветы Петровны¹⁵ — водил дружбу с И. А. Черкасовым и значился наряду с ним среди доверенных лиц монархии. Антигернгутерская «фракция» решила действовать при дворе именно через К. Сиверса, что вскоре и принесло успех.

Поводом начать придворную интригу стало прибытие в Россию весной 1743 г. троих «моравских братьев» с евангельской миссией, желавших служить среди калмыков и монголов и просивших паспорта для проезда по стране. Появление миссионеров было принято властями с настороженностью. Поскольку шла война со Швецией, и, несмотря на подготовку в Або мирных соглашений, боевые действия продолжались, остзейцы помогли увидеть в приезде миссионеров тайный враждебный маневр Швеции и стоявшей за ней Франции, направленный на то, чтобы создать для России новый очаг напряжения, отвлечь ее от войны и переговоров осложнениями на Востоке. Французская дипломатия в начале 1740-х гг. и впрямь прилагала на сей счет большие усилия¹⁶. В этой связи И. А. Черкасов с подачи К. Сиверса поднял тревогу, настаивая перед А. П. Бестужевым-Рюминым на скорейшем допросе пришельцев в Коллегии иностранных дел¹⁷.

Не заставила себя ждать и более острая реакция свыше: 16 апреля 1743 г. вышел указ об официальном расследовании против гернгутеров¹⁸. Под эгидой Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и лифляндских губернских инстанций надлежало оценить материалы остзейской комиссии и содействовать формированию общей позиции местного дворянства по части религии. Виновницей распространения в крае новой доктрины в указе называлась «некоторая графиня Синцендорфова», и с полным основанием: графиня Эрдмут Доротея (Erdmuth Dorothea) и ее супруг граф Цинцендорф, признанные лидеры движения, внесли в его развитие огромный моральный, финансовый и организационный вклад. Граф приезжал в Россию в 1736 г., произносил публичные проповеди в Ревеле, встречался со сторонниками — мирянами и духовными лицами в Лифляндии. Имения дворян, разделявших взгляды четы Цинцендорфов, превращались в новые центры движения. Популярности супругов способствовали и их выдающиеся личные качества — образованность, эрудиция, ум, обаяние, дар слова. Граф, теоретик и практик глобального миссионерства, стал одним из кумиров дворянской молодежи. Проповеди, в которых истины веры сочетались с призывами немедленно нести Евангелие миру, и прежде всего на Восток, буквально наэлектризовывали аудиторию. В этом убеждает записка, которую представил Д. Ф. Еропкину в начале июня 1743 г. Э. Гуцлев (E. Gutslev, в русских документах также Гутслев), суперинтендент (Superintendent) — церковный управляющий Эзельской провинции (о. Эзель/ Ösel/Oesel, или Саарема/Saaremaa, Эстония). Э. Гуцлев был учеником немецкого богослова — основоположника пиетизма А. Г. Франке (August Hermann Francke, не путать с полным тезкой и потомком — миссионером в Ладакхе, берлинским тибетологом рубежа XIX—XX вв.), за принадлежность к гернгутерству затем подвергся заключению и умер в неволе. Пастор свидетельствовал: «проповеди» (проповеди) и диспуты Цинцендорфа в Ревеле производили на слушателей и участников глубокое впечатление и заставляли признавать

правоту моравской церкви¹⁹. Такими же популярностью и уважением пользовалась в обществе и графиня Цинцендорф.

Начало июня 1743 г. явилось кульминацией Абосского конгресса: готовился «Уверительный акт» — предварительные условия мира. Верховной власти тогда было не до миссионеров-гернгутеров, о них на время забыли. Но остзейские активисты комиссии не преминули напомнить, и 4 июня 1743 г. вновь проявил себя И.А. Черкасов. Он повторил А.П. Бестужеву-Рюмину просьбу допросить пришельцев в Иностранной коллегии, дабы установить, «и кто еще их секты и где обретается в гражданах российских». По-прежнему вызывали тревогу и мотивы намеченной поездки «к мунгалам и калмыкам»²⁰. 14 июня в Коллегию иностранных дел из Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел направили подлинник прошения иноземцев, «дабы по посылке промемории к делу приложить» и надлежащим образом оформить протоколы допросов²¹.

В дипломатическом же ведомстве считали, что допросы гернгутеров должны сопровождаться оценкой не только остзейской обстановки, но и религиозной стороны учения гернгутеров, для чего необходимо участие лютеранского духовенства. Соответственно, более удобную процедуру представлялось организовать в Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. 10 июня 1743 г. туда ушла промемория с обоснованием подобных соображений. Промеморию подписали главы Иностранной коллегии А.П. Бестужев-Рюмин и кабинет-министр, тайный советник К.Г. фон Бреверн²². Разногласия между учреждениями и вовлечение первых лиц государства в обсуждение статей Абосского мира на время затормозили реакцию на дело гернгутеров.

К лету 1743 г. остзейская комиссия накопила значительный материал о том, что гернгутеры «сворачивают в свою ересь» всех — и немецких дворян; и «латышских мужиков». Однако комиссия столкнулась с сопротивлением и не могла завершить работу, чего от нее ждали в Риге регирунгс-канцелярия и Д.Ф. Еропкин. Один из деятелей комиссии, капитан Кноринг в письме от 21 июня 1743 г. (адресат — ландрат К.Г. Паткуль) отмечал, что после указа 16 апреля сплочение и проповедь гернгутеров усилились. Отсюда, добавлял он в другом, июльском письме, растет вражда крестьян, сбиваемых с толку гернгутерами, к дворянам, «и подлой народ угрожать начинает»²³.

О росте активности гернгутеров твердил и И.И. Сиверс. «... Рассуди, что уже после состоявшегося указа проклятой Менгден к тому [учению] пристал (присоединился. — *А.Р.*) с женой, детьми и со всеми подданными...», — сообщал он брату в письме от 17 июля²⁴. «Проклятой Менгден» — это президент Лифляндского гофгерихта (надворного суда) Иоганн Генрих Менгден, родной брат Карла Людвига Менгдена, бывшего президента Камер-коллегии и Коммерц-коллегии, сосланного при Елизавете Петровне в Сибирь²⁵. «... И я жалуючись, принужден объявить, — добавлял И.И. Сиверс, — что [гернгутеры] Божескому и Е.И.В. хотению и закона («аугсбургского исповедания». — *А.Р.*) презрительнейшим образом ругаются, понеже указ, которой о фалшивой секте отправлен, есть презрителен и бесплоден, потому что фалшивое учение еще повсюду во употреблении, и регентами (власть имущими. — *А.Р.*) защищаются...»²⁶

Подобные действия, резюмировал И. И. Сиверс, не только усиливают секту, но и грозят порядку: «Зри, какие у нас земские шкиперы и штурманы..., — обращался он к «любезному брату». — Я из того иного не признаваю, кроме того, что они хотят корону и скипетр испрогнуть и низложить...»²⁷

Россия, следует напомнить, пребывала в состоянии войны, посему обвинения, возведенные на гернгутеров и их защитников корреспондентами, выглядели предельно тяжелыми: подстрекательство простонародья к бунту и государственная измена, лишавшие сословие остзейских немцев-дворян возможности в военное время выполнить долг перед престолом.

К. Сиверс передал И. А. Черкасову переписку деятелей комиссии, полученную от брата. Опытный царедворец, полагая дать нужный ход письмам, не мог не знать о влиянии кабинет-секретаря на императрицу. «От гернгутеров великое зло растет... Требуется нужда нового определения дела, чтоб не допустить до какого злого от того дела происшествия», — писал И. А. Черкасов 27 июля 1743 г. А. П. Бестужеву-Рюмину под впечатлением от знакомства с письмами и просил срочно перевести их в Коллегии иностранных дел с немецкого²⁸. Вице-канцлер тревогу кабинет-секретаря оценил и просьбу исполнил: пометы на копиях бумаг об отсылке оригиналов писем вместе с переводами из Коллегии иностранных дел в Кабинет относятся к тому же дню, что и цитированная записка. Расчет остзейца оправдался: И. А. Черкасов, представив письма Елизавете Петровне, убедил ее принять выводы остзейской комиссии, после чего гонения государства на гернгутеров были предприняты.

Попытку внести перелом в неблагоприятные для российских гернгутеров события предпринял граф Цинцендорф по возвращении из Северной Америки. Его посланец, ««швецкой нации гернгутерской секты известной студент именуемой» Арвид Градин летом 1743 г. обращался в Св. Синод с просьбой о непредвзятой оценке учения гернгутеров²⁹. Он привез также вице-губернатору письмо Цинцендорфа из Берлина с просьбой о прекращении «эзекуции» против гернгутеров до тех пор, пока граф не прибудет в Россию и не даст нужные сведения («пока я сам выслушан не буду», — настаивал Цинцендорф), датированное 28 июля (нов. ст.) 1743 года³⁰. Граф хотел повлиять на расследование и лично, для чего прибыл в Ригу и 17 декабря 1743 г. подал прошение П. П. Ласси «о допущении своем в Санкт-Петербурх или о учинении с ним в Риге экзаминования о его чести и содержании гернгутерской секты...»³¹ Но Цинцендорф не преуспел. Остзейские недоброжелатели гернгутеров брали верх, ломая окончательно сопротивление «партии» их защитников: дворянская комиссия успела довести свое отрицательное мнение о гернгутерах до начальства Лифляндии. Информация ушла и в столицу: именно 17 декабря соответствующие бумаги И. А. Черкасова поступили А. П. Бестужеву-Рюмину³².

23 декабря кабинет-секретарь адресовался к вице-канцлеру по поводу возможного ареста Цинцендорфа³³. Однако для российских властей, добившихся от Швеции в результате Абосского мира нового признания петровских завоеваний в Прибалтике, на тот момент было наиболее важно снять нестабильность в настроениях прибалтийского дворянства и за-

фиксировать его политическую лояльность. Вероисповедный «экзамен», которого в Лифляндии добивался Цинцендорф, или его арест противоречили подобным намерениям, посему по предложению И.А. Черкасова графа решили выслать. Предписание о немедленном выезде Цинцендорф получил от рижского коменданта 29 декабря 1743 года ³⁴.

В январе 1744 г. вышел итоговый официальный документ о запрете гернгутерства в России. Дворяне — участники движения — могли избежать высылки из страны и конфискации имущества при одном условии: если «подпишутся, что они... дозволенной религии... покорится желают». Власти стремились также оборвать нити между гернгутерами за границей и их местными симпатизантами: «... наказание и до тех касатся имеет, — гласило определение Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, — которые изболчлены будут, что они к службе и споспешествованию гернгутеров некоторые деньги из нашей империи переводят» ³⁵.

Выводы из «происшествия» с гернгутерами, особенно в отношении управления протестантскими конфессиями, сохраняли свою актуальность для самодержавия длительное время. Это подтвердил второй эпизод, совпавший с очередной русско-шведской войной.

Строгости в отношении гернгутеров, формально сохранявшиеся, были смягчены уже в 1750-е годы. Екатерина II реабилитировала моравскую церковь в России окончательно ³⁶. Обычно этот шаг правительницы связывается в литературе с курсом на приумножение «человеческого капитала» — привлечение иностранных переселенцев для освоения окраин России ³⁷.

Но следует указать и на обусловленность данного решения подготовкой летнего остзейского путешествия Екатерины II в 1764 году. Императрица предполагала наличие затаенного сочувствия в определенных сферах прибалтийско-немецких аристократов к гернгутерам и не могла его не учитывать. Одновременно она подтвердила и признанный с петровских времен приоритет лютеранства — «аугсбургского исповедания». «... Ни я, ни кто-либо другой не знает, полезны ли краю эти привилегии..., я, однако, думаю, что пока главною целью должно считаться сохранение спокойствия в этой провинции», — резюмировала монархиня относительно прав тамошних дворян ³⁸. Закрыв давний счет властей к гернгутерам, императрица придерживалась аналогичной цели.

Екатерининская веротерпимость со временем вносила неизбежные коррективы в принятые порядки: проект об учреждении протестантских консисторий, возникший спустя двадцать лет после поездки в Остзейский край, в 1782—1785 гг. предусматривал защиту интересов реформатского и других более мелких протестантских исповеданий, ранее не оговоренных законами. Однако лютеранскую основу регионального порядка управления протестантами — «по шведскому праву» и церковному уставу 1687 г., введенному некогда шведскими королями, — в проекте не изменили. В нем также предусматривались отступления от общероссийского устройства в пользу прибалтийского автономизма ³⁹. Проект не пошел в жизнь из-за разногласий между Сенатом и губернаторами и был отложен.

Екатерина II вспомнила о нем в 1788 г., в ходе войны со Швецией, и поручила доработать. Дополнения ввел действительный тайный совет-

ник Фитингоф. Для него традиционные прерогативы дворянства, разумеется, занимали первое место, к тому же, пока шла война, их поддержку монархией в политических видах следовало всячески демонстрировать. Соответственно, Фитингоф «почел за нужное» составить главное прибалтийское духовное учреждение — рижскую обер-консistorию из трех светских персон и трех духовных. При этом светские лица — директор-председатель консистории и заседатели — определялись обязательно из дворян. Сохранялся и подчеркнуто архаический, привычный дворянству порядок начисления жалования членам консисториального управления — в «талерах албертовых» (впрочем, в натуре выплаты предполагались не альбертусталерами, а «рублевою монетою» по курсу из сумм Рижской казенной палаты). На Эзеле — цитадели остзейского немечества XVIII в. — за знатью закреплялся явный перевес над духовенством. Здесь из дворян выбирали директора, заседателя и несменяемого суперинтендента, в помощь которым духовенство могло направить лишь одного-двух пасторов из островных уездов. Спецификой отличалась ситуация в Эстляндии, где роль городов и духовенства была большей. Но и там презус — главный заседатель Ревельской провинциальной (не городской) консистории — и четыре светских заседателя должны были иметь дворянское происхождение ⁴⁰.

И в условиях войны, и на перспективу не подвергался сомнению главный урок гернгутерского дела — необходимость верховного контроля над сферой духовного управления Остзейского края. В данном случае у Фитингофа речь шла о том, чтобы директор-председатель и генерал-суперинтендент (глава духовной секции) обер-консistorии в Риге назначались императрицей (хотя Екатерина II считала достаточным не высочайшее, а сенатское назначение) и затем непосредственно подчинялись генерал-губернатору ⁴¹.

Сановник поднимал и тему образовательного уровня лютеранского духовенства. Она была столь же памятна по итоговому определению Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел о гернгутерах. В нем тогда указывалось, что в гернгутерские «прегрешения» впали многие пасторы, оказавшиеся неспособными полемизировать с оппонентами. После запрета «лжеучения» каждый из таких несведущих пасторов был обязан дать подписку «о своем будущем учении» в соответствии с «аугсбургским исповеданием» ⁴². Теперь же, спустя сорок лет после окончания следствия, Фитингоф предложил создать духовное училище для выпуска пасторов-ортодоксов. Предложение переросло в новый проект — проект университета для протестантов, ставший составной частью фитингофовых инициатив, курировавшийся, как и они, А. А. Безбородко, и обсуждавшийся в Сенате одновременно с ними.

Над замыслами, прежде всего, довлела внешнеполитическая и военная конъюнктура, о чем прямо говорила Екатерина II. «Сей проект составлен по моему приказанию тайным советником Фитингофом и клонится к тому, чтоб заводить в Лиф-, Ест- и Финляндии, такожде в России, где есть протестантские кирки, папов из российских подданных тех законов, дабы избавится» от пришлых пасторов «шведских и иных наций, кои развращают те народы и не вперяют в них верность и ревность к России, что н[ы]не летом в Финляндии довольно оказалось», — гласила записка

монархини, зачитанная 26 февраля 1789 г. в Сенате вместе с проектом Фитингофа⁴³.

Шведская война шла с переменным успехом, и Екатерина II стремилась компенсировать отсутствие перевеса на морском и сухопутном театрах военных действий политическими мерами. Отсюда проекты адресовались не только остзейскому дворянству, но и финскому, вставшему в оппозицию к шведскому королю Густаву III. Оппозиционеры объединились в рамках Аньяльской конфедерации. Выбор Сенатом времени для обсуждения проектов симптоматичен: именно в феврале 1789 г. шли российские переговоры с конфедератами⁴⁴.

Императрица, впрочем, подходила к образовательному вопросу более широко, не связывая его только с подготовкой пресловутых «папов» — протестантских пасторов. Она желала масштабного воздействия на умы, посему ориентировала университет на российских молодых дворян-протестантов в целом. Первой задачей университета, о чем и гласил его устав, предполагалось формирование у выпускников нужных «нравов» (*mœurs*), то есть устойчивой лояльности к российскому престолу⁴⁵. Сенат во время обсуждения проектов подтвердил ориентиры монархини, заявив о предпочтении российских подданных перед иностранными при заполнении университета студентами и наборе на вакансии преподавателей и клира⁴⁶.

Показательно также, что Сенат, настаивая по примеру Екатерины II на необходимости для российских протестантов «избегнуть бродяг других наций, могущих развратить нравы народа сих исповеданий», оперировал примером не только протекавшей, но и предыдущей войны. Тогда религиозные разногласия остзейцев вызвали сомнения в их политической устойчивости, «что мы к прискорбию нашему в последовании минувшей со Швецией войны довольно видели», — говорилось в сенатском определении с явной отсылкой к гернгутерскому эпизоду⁴⁷.

Неоднозначная ситуация 1788—1789 гг., связанная со шведской войной, помешала осуществлению начинаний по протестантской части полностью. Консistorиальное управление воплотилось в жизнь, до создания же российского университета для протестантской знати, способного формировать верность престолу, руки у Екатерины II так и не дошли⁴⁸.

Вопрос о религиозно-политическом состоянии остзейского дворянства не случайно вставал в порядок забот государства именно в период русско-шведских войн. В них решалась судьба территориальных приобретений Петра I, между тем она во многом зависела от готовности правящего сословия остзейских «завоеванных провинций» сохранять на протяжении XVIII в. принятые в отношении российской короны подданные обязательства. Явной угрозой последним в 1740-е гг. представлялась религиозная нестабильность остзейской среды. Через сорок лет, в условиях нового конфликта со Швецией ситуация отчасти повторилась, и Екатерина II, указывавшая на неблагополучие в русской Финляндии, вошедшей в состав России после Абосского мира, не могла не испытывать опасения, что ситуация может повториться полностью, захватив более широкие пределы. Религия и религиозные институции выступали для самодержицы средствами воспитания и даже насаждения верноподданничества (как подчеркивала Екатерина II, его следовало

именно «вперять»), поэтому монаршее внимание к ним в военное время было неизбежным.

Историческая же перспектива мер верховной власти в 40-е и 80-е гг. XVIII в., назначенных установить религиозную однородность, управляемость и ликвидировать тем самым сомнения в благонадежности прибалтийского дворянства, оказалась вполне определенной. Они послужили необходимыми ступенями оформления специфического остзейско-немецкого сословного единомыслия и на его основе — политических идеалов «верности» и «русской Вандеи», столь восхищавших затем императора Николая I.

Примечания

- Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).
1. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Российские самодержцы. М. 1990, с. 265; ВЫСКОЧКОВ Л. В. Николай I. М. 2006, с. 252.
 2. Остзейский край, остзейские провинции — историческое наименование прибалтийских владений Российской империи. До начала 90-х гг. XVIII в. они включали в себя северо-западную часть современной Латвии с центром в г. Рига и Эстонию с г. Ревель (Reval, ныне Таллин/ Tallinn), отошедшие к России после Северной войны 1700—1721 гг. и объединенные в Рижскую и Ревельскую губернии.
 3. ЗУТИС Я. Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига. 1949, с. 118—143; ДУХАНОВ М. М. Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50—70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. Рига. 1978, с. 38—53, 326—416, 449—451; ECKARDT J. Livland im achtzehnten Jahrhundert: Umriss zu einer livländischen Geschichte. Leipzig. 1876, Bd. I, S. 109—343; WITTRAM R. Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland, 1180—1918. München. 1954, S. 150—153.
 4. ЗУТИС Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига. 1946, с. 236—238; ФРИЗ Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике. — Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017, т. 62, вып. 4, с. 777—806; WEBERMANN O. A. Pietismus und Brüdergemeinde. In: Baltische Kirchengeschichte: Beiträge zur Geschichte der Missionierung und der Reformation, der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volkskirchentums in den baltischen Ländern. Göttingen. 1956, S. 149—166; ADAMOVICS L. Vidzemes baznīca un latviešu zemnieks 1710—1740. Otrās izdevums. Mineapole. 1963; GUNTRAM Ph. Die Wirksamkeit der Herrnhuter Brüdergemeinde unter den Esten und Letten zur Zeit der Bauernbefreiung (vom Ausgang des 18. bis über die Mitte des 19. Jhs.). Köln-Wien. 1974, S. 351—359; KAHLE W. Symbiose und Spannung. Beiträge zur Geschichte des Protestantismus in der baltischen Ländern, im Innern des Russischen Reiches und der Sowjetunion. Erlangen. 1991, S. 111—146; STRAUBE G. Latvijas brāļu draudzes diārijs: jaunākais noraksts, jeb Hernūtiešu brāļu draudzes vēsture Latvijā. Rīga. 2000.
 5. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743—1744).
 6. Правительственные меры по случаю появления в Лифляндии секты гернгутеров в 1743 г. — Русский архив. 1896, стлб. 1391—1395.
 7. Письма барона Ивана Антоновича Черкасова вице-канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину (1743—1747). / Вступ. ст., публ. и коммент. К. А. Писаренко. — Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. XVI. М. 2007, с. 6—90.
 8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 16, оп. 1, д. 201.

9. ПСЗ-1. Т. 7. СПб. 1830, № 4781, с. 537.
10. КАТИН-ЯРЦЕВ М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе конца XVIII — начала XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 2000, с. 19.
11. HARDIN J.E. Creating Convictional Community: Missional Spirituality in the Moravian Community of Bethlehem, Pennsylvania, 1741—1762. Amsterdam. 2014, p. 67—68.
12. Письма..., № 49.
13. КРАСНЯКОВ Н.И. Начальный этап инкорпорации прибалтийских территорий в состав Российской империи. — Развитие территорий. 2018, № 1 (11), с. 7—8.
14. Письма..., № 49.
15. TRANSÉNE-ROSENECK, Astaf Alexander Georg von. Genealogisches Handbuch der livländischen Ritterschaft. Teil 1,1: Livland. Görlitz. 1929, S. 285—286.
16. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времён. Т. 21. Сочинения. В 18 кн. Кн. XI. М. 1993, с. 189—190.
17. Письма..., № 3.
18. Правительственные меры..., стлб. 1391. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743—1744), л. 7—7об.
19. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743—1744), л. 23об, 27.
20. Там же, л. 5—6; Письма..., № 8.
21. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743—1744), л. 2об.
22. Там же, л. 8—9об.
23. Там же, л. 65.
24. Там же, л. 58об.
25. TRANSÉNE-ROSENECK Astaf Alexander Georg von. Genealogisches Handbuch der livländischen Ritterschaft. Teil 2, 1: Livland. Lieferung 15. Görlitz. 1929, S. 1178—1180.
26. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743—1744), л. 58—58об.
27. Там же, л. 58об.
28. Там же, л. 44.
29. Там же, л. 74—74об.
30. Там же, л. 67.
31. Там же, л. 77—77об.
32. Письма..., № 55.
33. Там же, № 56.
34. АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743—1744), л. 98.
35. Там же, л. 108об., 110.
36. О дозволении братьям гернгутерам селиться в России. — Русская старина. 1878, т. 23, с. 712—713.
37. TEIGELER O. Die Herrnhuter in Russland. Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. Göttingen. 2006, S. 288—399.
38. ИБНЕЕВА Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М. 2009, с. 121.
39. РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 201, л. 45об. — 50об.
40. Там же, л. 67об. — 70об.
41. Там же, л. 67об., 68, 70.
42. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 1 (1743—1744), л. 110.
43. РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 201, л. 2.
44. Екатерина II и Г.А. Потёмкин: Личная переписка, 1769—1791. М. 1997, № 912, с. 335.
45. РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 201, л. 3.
46. Там же, л. 93об., 101.
47. Там же, л. 98об.
48. РЯЖЕВ А.С. Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии. — Отечественная история. 2004, № 2, с. 150.